

СРАЗУ СКАЖУ, что мне не близки ни музыка, ни образ певца Шамана. И от того поля поп-музыки, на котором он работает, мои вкусы более чем далеки. Меня также мало восхищает клип "Мы", вокруг которого в соцсетях поднялся настоящий ад хайпа. Но тот самый кадр, который и вызвал хайп, мне понравился. Красивый юный блондин на фоне православного храма с повязкой в виде российского триколора на руке — что в этом вообще можно увидеть плохого?

Среди той мерзости запустения, которую мы вынуждены наблюдать сегодня на святом месте Русской культуры, оккупированной бесами либерализма, это выглядит, как минимум, обнадеживающе. В этом звучит, прежде всего, вот что: да, Мы другие. Мы русские. Мы не ЛГБТ-БЛМ, и никогда всё это не примем. Мы готовы защищать нашу культуру, готовы сопротивляться злу силой, и силы этой у нас хватит. Ибо, да, у России нет границ, а только

горизонты. Да, нам не нужен мир, в котором не будет России. И да, вам придётся с этим либо смириться, либо сгинуть, как бесам, "воюющим на болотах", и бегущим от креста и святой воды.

Во всяком случае, я всё это увидел именно так. И явно не я один, судя по тому самому воплю, который поднялся из глубин нашего культурного ада, точнее, населённых либералами русскоязычных соцсетей.

Одним словом, Шамана можно поздравить: что получилось — то получилось. Да, попка. Да, пламур. Ну и что ж с того? Может

быть, в наши постмодернистские времена именно так и должна выглядеть икона Архангела Михаила, поражающего дьявола: Шаман, изгоняющий бесов. И раз бесы воют, значит работает, значит получилось, значит вещь годная — надо брать.

А ТЕПЕРЬ пару слов о тех, против кого работает Шаман, и с кем нам ещё, видимо, долго придётся иметь дело.

Несколько лет назад одна видная дама, представительница европейского театра, заявила: "Красивый человек на

сцене — это фашизм". Вот так просто, на голубом глазу. Красивый человек на сцене — это фашизм, а фашизм опасен. Красивый человек в кино — опасен. Красивый человек в жизни — опасен. Человек должен быть безобразен, мерзок и жалок — так видят бесы. Таким они хотят видеть мир.

И вот так, под знамёнами "борьбы с фашизмом" они и уничтожают все красивое, честное, благородное в нашем мире. Они хотят для нас только больное, жалкое, нежизнеспособное. Почему? Зачем? Потому

и Россию, если мы не изгоним сегодня бесов из своей страны.

"Искренность и глубина созерцания делают человека поэтом... Настоящее художественное искусство родится из свободного вдохновения, из той духовной напряжённости, открытости и цельности, которые дают человеку высшую власть и открывают ему пути к художественному ясновидению". Давно ли вы читали что-нибудь подобное? Думаю, очень давно. Думаю, даже забыли уже, что такое вообще возможно. Это строки из книги Ивана Ильина "Основы искусства". О совершенстве в искусстве". Если не читали, прочтите. Это сильная вакцина, и она надолго защитит вас от болезнетворных микробов разложения культуры.

В ином случае вам останется только идти за теми, кто будет говорить вам, что "красивый человек на сцене — это фашизм". И, наверное, вы уже даже начали подозревать, куда вы придёте. А чтобы развернуться, надо вот что: создать в обществе такую атмосферу духовного напряжения, радости и свободы, открытости и цельности, в которой споры и болезнетворные микробы культурного разложения просто не смогут существовать. Надо осушить болото!

ИВОТ ШАМАН, кажется, сам того не желая и не понимая, что делает, показал, как это бывает. То, что сделал Шаман своим клипом — это своего рода экзорцизм. И это прекрасно!

Что нам по-настоящему сегодня необходимо, так это сорвать заглушки либерализма с кровеносных токов нашей культуры. Освободить крылья жар-птицы нашей культуры. И вот когда жар-птица нашей культуры начнёт расправлять свои крылья, сама собой начнёт создаваться и та атмосфера радости, свободы, красоты, открытости, вдохновения, в которой бесы либерализма просто не смогут существовать, от которой они начнут разбегаться, как от креста и от ладана, оставляя зловоние (скоро, впрочем, проходящее). И ведь посмотрите — всё это уже происходит прямо на наших глазах! И чем дальше, тем больше!

Что же касается споров вокруг клипа Шамана, то вот ещё один полезный совет: святые не советуют вступать в споры с бесами. С бесами не о чем спорить. Их надо изгонять всеми способами, в том числе новым клипом Шамана.

Владимир МОЖЕГОВ

СТИХИЯ

Владимир

ВИННИКОВ

МЕЧ СВЯТОСЛАВА

Истории густая лава
плывёт под толщею времён...
Когда меч князя Святослава
на дне Днепра был погребён,
а чаши пиришественной череп
испил до капли печенег,
зернь проросла — по счёту, через
уже одиннадцатый век...
Путём кровавым шла иная
на землю русскую орда.
И вновь от Волги до Дуная
кипела ратная страда,
и тень Хазарии вставала
на месте прежних древних встреч,
где руку князя Святослава
найдёт его оживший меч...

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ
АНДРЕЯ СМОЛЬЯНИНОВА

"Расплавленное золото заката..."
Ли Цинчжао (1084–1155),
перевод Михаила Басманова

Расплавленное золото заката
лилось на крыши древних городов.
Существовал я где-то и когда-то,
Но потерял в столетиях свой кров.

По тишине вселенского простора
бреду, вечерним сумраком объят...
О, пустота!

С тобой не вёл я спора —
и ты не так пуста, как говорят.

Твой голос настаивает нас повсюду,
на голоса иные не похож,
и всякий, кто услышал, не забудет,
как тихо, заунывно ты поёшь

о мерзости желаний скоротечных,
о вечном сне добра и смерти вечной,
о жизни как о замкнутом кольце
и о любви — божественном Творце.

Где пустота —
всегда найдётся путь,
он будет только даром, а не платой —
и я иду, чтоб снова утонуть
в истаявшем сиянии заката...

* в китайском оригинале — "Тающее
золото заката..."

Татьяне Селиванчик
(13.12.1952–21.10.2011)

Так торжественно-легки
этих дней преобразования,
переходы света-тени,
снегопада мотыльки!
И — ни памяти, ни лет:
только праздник, только танец,
да ещё — снежинки тают,
жизнь — как счастье,
жизнь — как тайна,
боли — нет
и смерти — нет...

Говорили: "Россия —
страна дураков!"
"Даже скучно, — смеялись,
— плавать им в лицо!"
Да ответилось громом
из туч-облаков:
"Хорошо, что она —
не страна подплицей!"

Мы, конечно, лыком шиты,
но на Западе века
не найдут никак защиты
от Ивана-дурака.
Хоть убитый — оживает,
раскомсаешь — снова цел,
в ад столкнётся — поёт о рае,
как всегда и прежде пел.
И хоть голодом, хоть мором,
хоть войной бери на зуб —
не беда ему всё горе:
ждёт, негодник, Страшный суд?

"Трудно написать, сделать или даже выдумать что-нибудь новое"

Кузьма Петров-Водкин
"Пространство Евклида"

ЭТА ВЫСТАВКА нехарактерна для Музея Москвы, специализирующегося на артефактах старины — дореволюционных или же советской, равно как на креативных арт-проектах. Музей Москвы ближе всего к Историческому музею, но с чертовщинкой, свойственной молодым кластерам. Здесь же — художественная экспозиция, причём классическая. О, нет, авангардная — речь идёт о Кузьме Петрове-Водкине и его ученице Марии Ломакиной, однако уже и русский авангард успел превратиться в сугубую классику. Перед нами афиша мероприятия "#ПетровВодкинЛомакина. Стихия Крым". Именно так и названо — лихо да с интернет-хэштегом, после которого всё пишется слитно. Дань реализма, но мне это показалось чрезмерным и вызывающим.

Есть несколько знаменитых вещей — "Две" — с характерными для Петрова-Водкина типажными и оттенками; портрет золотого мальчика, напоминающего того, что купал красного коня и, наконец, образ Ариадны Холуповой-Шмидт, дочери провинциального архитектора Александра Холупова. Рыжая девочка-солнышко изображена отсканной из материи света, и на синем фоне — застывшее лицо античной героини. Ариадна-мифологическая и — Ариадна-подлинная, тушования. На сопроводительном стенде читаем, что юная Холупова не скупалась в часы позирования — перед ней стояла коробка шоколадных конфет, а художник рассказывал удивительные истории.

Петров-Водкин — мастер узнаваемых натюрмортов; некоторые из них представлены в выставочных залах. Его стаканы с водой, яблоки, пасхальные яйца, хаотично раскиданные по столу, увесисто-сочный виноград, письма, тетради, коробок спичек — живой, бойкий мир вещей. Подобно Гансу-Христиану Андерсену, чьи табакерки и чернильницы оживали, вступая в диалог, Петров-Водкин надеялся предметы норовом.

Кузьма Петров-Водкин был славен не только созданием новых форм и красок, предвосхищением эстетики алого, ретиво-огневого XX столетия, но и своей педагогической практикой. Нравился ли ему труд ментора? "Педагогикой я начал заниматься рано не потому, что имел к ней особенное влечение, а скорее для заработка. Последнее соображение не мешало мне всецело увлекаться передачей моих знаний другим", — признавался художник.

Мария Ломакина — одна из самых одарённых его учениц. Крымская уроженка, она с малых лет впитала красоту родных мест, где античность перехлёстывается с восточной негой, а солнце пахнет пряными травами. Итак, Петров-Водкин + Ломакина = ...нет, не любовь. Этого как раз не наблюдалось — иногда отношения харизматичного преподавателя и лучшей студентки остаются деловыми и творческими.

НАС ВСТРЕЧАЕТ автопортрет Петрова-Водкина. Вихревой 1918 год. Дана цитата из переписки с матерью: "Я избран советом Академии из профессора Академии художеств. Как это ни почётно, ни лестно, но с большими колебаниями беру на себя эту большую задачу. И если бы не тяжёлое время для Родины и не опасность, что искусство зачехнет среди всеобщего разрушения, и я не имею права отказаться от возможности хотя бы попытке благоустроить нашу Высшую школу, если бы не эти соображения, я бы не принял на себя эту роль. Одним словом, Анна Пантелеевна, мать профессора, целую и поздравляю! Придётся мне лысины завести для важности!"

Вот — портрет мамы, той самой Анны Пантелеевны, терпеливой крестьянки с иконописным лицом. Петров-Водкин — родом из народа, из самых-самых простых людей, не знавших Микеланджело и не водивших сына в галереи. Вместе с тем, родители были грамотны — это ещё раз доказывает, что тезис о поголовной забитости русских крестьян до революции — пустое обобщение. Мать художника знала народную поэзию, передававшуюся из уст в уста, сказки, легенды, была истово религиозна — отсюда грёзы Петрова-Водкина и о волшебных конях, и о Богородице, венчающей русскую цивилизацию.

Всё это вкупе с несомненным даром позволило мальчику из Хвалынского (городок, точно взятый из пьес Александра Островского!) стать мэтром живописи. Его ждали триумфы и потрясения. Но пока — шутливые да классы. Валентин Серов отметил самородка, что означало пропуск на Олимп. На выставках можно увидеть ранние опыты Петрова-Водкина, где не определяется почерк, ибо его ещё нет. Хвалынские пейзажи начала 1900-х — это нечто обобщенно-типичное, без изюминки, но уже есть крепкая рука, техничность.

Следом — Париж, Италия и даже Северная Африка. Везде — колорит и воздух, небеса и — древние камни. Искать себя и свой взгляд. Примеряя модные "измы", кидаясь будто в омут в очередной стиль. Музей он выбрал не особенно красивую, но эффектную Маргариту (Мару) Ивановну, сербско-бельгийскую мадемуазель, с которой судьба свела его в Фонтене-о-Роз под Парижем. Они обвенчались. Но не в Париже. В Хвалынске.

Её портрет 1913 года — буйство красок и тёплая свежесть. Петров-Водкин очень любил свою жену — та была ему ещё и другом-товарищем. Рядом — автопортрет с Марой и дочерью Еленой, выполненный уже в середине 1930-х, когда художник сделался одним из столпов нового искусства и — новой власти. Себя Петров-Водкин написал таким "вторым планом" для своих домочадцев, подчёркивая их важность для себя и, если Мара с Еленой смотрят, то Кузьма — выглядывает.

Есть несколько знаменитых вещей — "Две" — с характерными для Петрова-Водкина типажными и оттенками; портрет золотого мальчика, напоминающего того, что купал красного коня и, наконец, образ Ариадны Холуповой-Шмидт, дочери провинциального архитектора Александра Холупова. Рыжая девочка-солнышко изображена отсканной из материи света, и на синем фоне — застывшее лицо античной героини. Ариадна-мифологическая и — Ариадна-подлинная, тушования. На сопроводительном стенде читаем, что юная Холупова не скупалась в часы позирования — перед ней стояла коробка шоколадных конфет, а художник рассказывал удивительные истории.

Петров-Водкин — мастер узнаваемых натюрмортов; некоторые из них представлены в выставочных залах. Его стаканы с водой, яблоки, пасхальные яйца, хаотично раскиданные по столу, увесисто-сочный виноград, письма, тетради, коробок спичек — живой, бойкий мир вещей. Подобно Гансу-Христиану Андерсену, чьи табакерки и чернильницы оживали, вступая в диалог, Петров-Водкин надеялся предметы норовом.

ВТОРАЯ ФИГУРАНТКА действа — Мария Ломакина. Афишей выставки послужила её картина "Сбор винограда" — квинтэссенция того, чему научилась крымчанка у своего педагога. Ломакина происходила из состоятельного и образованного семейства, где считалось хорошим тоном читать, музицировать, рисовать, отпикаться на все веяния.

Отец Ломакиной — агроном-виноградарь, был широким специалистом в области сельского хозяйства и общественным деятелем. Мария сформировалась в дивной атмосфере взаимопонимания, и её решение стать живописцем не оспаривалось. Исклнительная умица, Ломакина после окончания гимназии училась ещё и на историко-философском факультете Московских высших женских курсов, параллельно посещая студию Константина Юона.

Её работы хвалил Константин Коровин, а дебют в качестве самостоятельной художницы состоялся за несколько лет до встречи с Петровым-Водкиным. Революция! Мария, вернувшись в Крым, трудилась в местной Комиссии по охране памятников, имея мандат алтинского Наробраза. Эта структура и направляла свою активность в Петроград. То есть наша героиня попала к Петрову-Водкину, уже будучи профессионалом и развитой личностью.

Как выглядела девушка в те годы, можно понять, глядя на автопортрет в розовой косынке — здесь много от "Комсомолец" Юона и пока ничего от Петрова-Водкина. Себя не шадит и не приукрашивает. Грубоватое, но выразительное лицо, тёмные глаза и брови, жёсткий подбородок, волевая линия рта. Из той же "юновской" серии брутальная "Работница", а это та картина уже с налётом модного стиля ар-деко, а если той пролетарке изменить выражение губ, то получится западная миллионерша, коих уверенно клепала Тамара де Лемпицка.

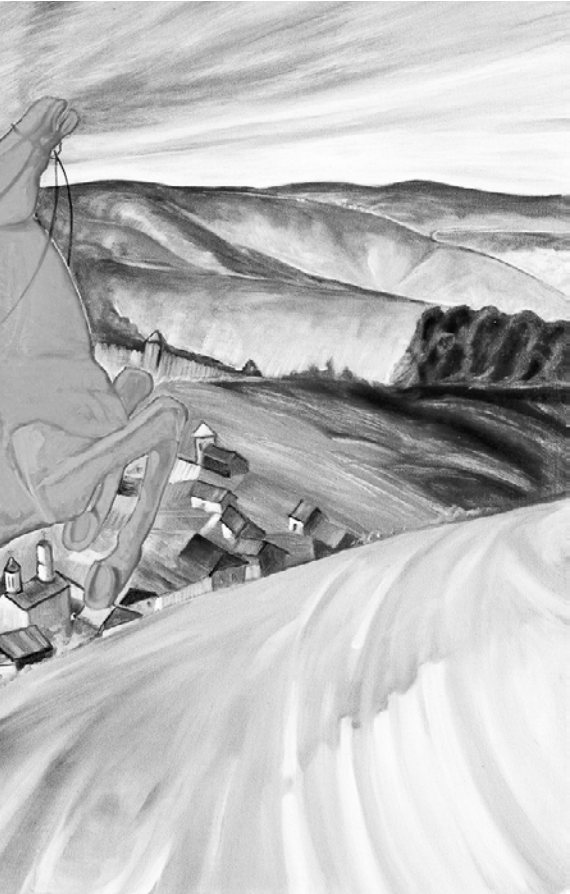
В 1931 году Ломакина снова едет в родной Крым для написания картины "На табачных плантациях", где, помимо эскизов к тематическому полотну, художница создала ряд портретов и пейзажей. В этих её работах уже много того, чему она обучилась у Петрова-Водкина. Иконописность, горячая колористика, прямота и дерзость!

Вскоре она выходит замуж за скульптора, мастера художественных промыслов Алексея Петрова из Сергиева Посада, и отныне жизнь Ломакиной оказалась связана с Подмосковьем. Примечательно, что её линии, краски, мотивы тут же поменялись — она заделалась реалисткой, и стала писать в передвижническом стиле с налётом импрессионизма.

Её картины и рисунки второй половины 1930-х — 1960-х годов не имеют ничего общего с предыдущим творчеством. "Рябинка", "Уголок Загорской Лавры", "Зосимовская церковь", "Лодки на канале. Москва" — тихая радость, лиризм, постижение благодати. Неслучайно художница в те годы изучала древнерусские и ренессансные фрески.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ экспозиции обращена к Крыму — ещё одной точке сборки, где родилась Ломакина и где бывал, живал Петров-Водкин, в частности, у Максимилиана Волошина, чей портрет мы также наблюдаем на одном из стендов. Явлен и раритет — домовая книга Волошиных в Коктебеле. Феерия! Экспонируется картина "Землетрясение в Крыму", посвящённая катастрофе 1927 года. Это событие так повлияло на общество, что было отмечено писателями, поэтами и художниками. Человеческая психика такова, что порой трагедия обращается своей противоположностью.

Так, Михаил Зощенко выдал презабавный рассказ "Землетрясение", главный герой которого, будучи пьян, проспал светопреставление, а проснувшись, не узнал окружающую действительность: "Тем более ихнюю каменную будку свалило, а стена расползлась, и забор набок рухнул. Только что кипарис тот же, а всё остальное признать довольно затруднительно".

Не отстали и сатирики Илья Ильф с Евгением Петровым, включив землетрясение в свой роман "Двенадцать стульев". Из-за крымского экстрима Ося и Киса упустили важный ступ: "Остап лежал на полу, легко придавленный фанерными щитами. Было двенадцать часов и четырнадцать минут. Это был первый удар большого крымского землетрясения 1927 года. Удар в девять баллов, причинивший неисчислимые бедствия всему полуострову, вырвал сокровище из рук концессионеров".

Владимир Маяковский хохотал: "Развезувились старик Ай-Петри!" Петров-Водкин в своё время был очарован Везуием: "Трудно мне сейчас описать моё состояние, но, конечно, я был в экстазе", и решил сотворить... свой "Последний день Помпеи" на местном материале. "Землетрясение в Крыму" отличается от Брюлловского Армагеддона — тут нет никакой экспрессии. Фигуры людей выглядят странно — динамика вроде бы (да-да, вроде бы!) отсутствует, все безмятежны, и лишь один-единственный мужчина вжался в колонну. Тем не менее, поверхность земли сползает вниз направо, и тут же всё и вся теряет устойчивость. На контрасте даны крымские виды Ломакиной: "Терраса чеховской дачи в Гурзуфе", "Дорога в горах", "Окрестности Кизил-Таша", "Кипарисы над морем". Она пишет, рисует, лелеет Крым, как хозяйка; Петров-Водкин выступает как гость.

Да. Мария Ломакина не встала вровень с учителем, но, без сомнения, интересна — и как художница, и как персонаж той исторической реальности, которую мы пытаемся переосмысливать. Советская вселенная с её цветущей сложностью — какова ты? Петров-Водкин звал в сияющее послезавтра, а Ломакина — шла следом, ловя ту новизну с молодой искренностью. Он вошёл в каталоги мировых искусств, она заняла скромную, но душевно-лирическую нишу. Памяти достойны все, в том числе и гений, и его студентка.

Галина ИВАНКИНА

Иллюстрация: Кузьма Петров-Водкин. Фантазия. 1925 г.

КЪЕЗА

Друг России

Мы продолжаем презентацию проекта "Светочи", размещённого на сайте zavtra.ru. Проект посвящён выдающимся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газетой "Завтра".

ЭКЗОПЕРИ ГОВОРИЛ: "Единственная известная мне роскошь — это роскошь человеческого общения". И читатели газеты "Завтра", её авторы, сотрудники в этой роскоши попросту купались. Ведь какие люди дарили нам своё внимание, общение! Встречами, беседами, высказанными в статьях размышлениями, и мы мысленно могли вести с ними диалог, соглашаясь или оспаривая.

Этой роскошью на протяжении десятиков лет одаривал нас наш постоянный автор и собеседник, незабвенный Джульетто Кьеа. Он родился 4 сентября 1940 года в Акви-Терме, провинция Алессандрия, Италия. Ещё в юные годы увлёкся левыми идеями, стал коммунистом. Приехал в Москву и долгие годы работал в качестве корреспондента печатного органа компартии газеты итальянских коммунистов "Унита" (1980–1990), затем был корреспондентом газеты "Ла Stampa" (1990–2000). Избирался депутатом Европарламента.

Очень хорошо относился к нашей стране — Советскому Союзу, России. Был настоящим её другом, который не предаст, поддержит, поможет. Хорошо знал и понимал Россию. Не питал иллюзий, не идеализировал, но отдавал ей должное, называя её истинным удерживающим: именно наша страна не даёт миру свалиться в ядерную войну.

"В 1991 году началась очередная оккупация России. А народ этого не понимал, ему этот факт никто не объяснял, и поэтому оккупация проходила без массового сопротивления. Прошло четверть века, и не только те 25 миллионов, которые остались за пределами страны, но и большая часть живущих в России поняли, что Запад — это совсем не тот "земной рай", за который он выдавался в те годы".

Рассказывал правду о нашей стране на родине, в Италии, в тех странах, где бывал. Он был очень убедителен, потому что никогда не говорил попусту, не врал и не лукавил, гордился, что ни за одно своё высказывание ему не стыдно. Он изучал тему, анализировал, знакомился с материалами из многих источников. Его высказывания поражали точностью и буквально пророчеством. А он говорил, что не обладает даром предвидения, но анализирует факты, тенденции и видит, к чему ведут те или иные события.

Предупреждал о том, что мир движется к катастрофе, и вина за это лежит на Западе, на Америке, которая не справляется со своими внутренними проблемами, не может удовлетворить растущие аппетиты общества потребления и потому лезет в другие страны, выкачивая из них ресурсы, предвещая катастрофу там заварушки.

В газете "Завтра" вышли десятки бесед с ним, его статей, из которых составлена книга "Запад. Приватизация планеты". И её можно смело назвать книгой пророчеств — настолько точно он предсказывал события, которые накрыли нас ныне.

"Общество потребления больше не может существовать: ресурсов нашей планеты недостаточно, а финансовая политика, обеспечивающая функционирование общества потребления, зашла в тупик. Сценарии рождения нового мира могут быть пугающими, учитывая, что реально цивилизацией денег правят 9 человек — руководителей крупнейших банков мира. Россия находится в выгодном положении, поскольку имеет ресурсы, но российские элиты ещё не осознали, что мир, в который они стремятся, погибает".

Предупреждал: "Сейчас в Европе, Америке, на Западе происходит волна русофобии. Русские, я говорю вам об этом открыто! Я сам не русский, но я друг России. Русофобия — это показатель того, что война готовится. Война против вас. И эта русофобия не ослабевает!"

ГОРДИЛСЯ ТЕМ, что был принят в члены Изборского клуба. Его даже упрекали в том, что он слишком любит Россию. Он отвечал: "Я люблю Италию и знаю, что хорошие отношения с Россией важны для хорошей жизни в Италии, в Европе вообще".

Призывал не строить иллюзии относительно наших "партнёров", как вплоть до СВО "голуби мира" среди нашего чиновничества называли фашиствующий Запад. "Абсолютно точно Россия окажется в центре нападения, атаки, будет главной мишенью. После России мишенью будет Китай. И от иллюзий на этот счёт нужно избавиться... Потому что кризис Запада — это кризис руководства, это ничтожность руководителей, которые пропитаны русофобией, и, имея ложное мнение о России, идут ва-банк, не задумываясь. Посмотрите на Украину. На Украине они играли ва-банк! Для них неважно, что происходит, какие последствия. Погибли 50 тысяч человек? А им всё равно!"

В ноябре 2018 года был международным наблюдателем на выборах главы ДНР и республиканского парламента. В интервью корреспонденту EADaily заявил, что Европа сегодня — это колония США. "Если бы она была немного более автономна, она не оказалась бы в этой ситуации. Она защищала бы свои собственные интересы, а для интересов Европы такая Украина, оплицетворяющая собой нацизм, вредна".

"Нужен другой уровень разговора с миром. Россия должна начинать говорить в пользу всего мира, с заботой о человечестве. И не потому, что у неё — миссия. Я не верю, что у неё какая-то особая миссия. Просто Россия оказалась в такой ситуации, в таком месте мировой истории, где она стала объектом атаки. И должна защитить себя".

Он был бесстрашным. Стремился бывать в горячих точках планеты: Афганистан, Ирак, Донбасс... И рассказывал о том, что там творится, кто виноват в том, что эти горячие точки возникают. Человек с твёрдой позицией, принципиальный, но мягкий, интеллигентный, лёгкий в общении. С потрясающим чувством юмора. Широко образованный, настоящий интеллектуал, обладавший уникальным даром общения, он находил общий язык и темы для разговора и с водителем такси, и с президентами стран.

Ушёл из жизни во время коронавируса — сердце остановилось. Буквально накануне вышла наша беседа с ним в газете "Завтра", я ему послала ссылку на публикацию, поговорили, строя планы на его юбилей, а утром — сообщение о кончине.

Юрий Поляков сказал о нём — "умнейший муж Европы". И достойнейший сын планеты.

Екатерина ГЛУШИК